

8. Loginov Ye.G. Strah kak socialniy fenomen v russkoy religioznoy filosofii kontsa 19 – pervoy poloviny 20 vv.: dis. ... kandidata filos. nauk: 09.00.11 / Loginova Yelena Gennadiyevna. – Chita, 2007. – 160 s.

Andriyenko O.V., PhD, Half-Professor of the Chair of Philosophy, Donetsk National University (Ukraine, Donetsk), elena_andrienko8@mail.ru

The Typological Aspect of Fear as a Phenomenon of Social Being

The article is devoted to the analysis of typological aspect of fear in the ontological context of modern society. It was concluded that fear is a complex phenomenon and it may be classified according to different criteria but in the philosophical sense the distinction between metaphysical and empirical types of fear is the most significant.

Keywords: being, society, social consciousness, fear.

Андриєнко Е.В., доктор філософських наук, доцент кафедри філософії, Донецький національний університет (Україна, Донецьк), elena_andrienko8@mail.ru

Типологічний аспект страху як феномена соціального буття

Аналізується типологічний аспект страху в онтологічному контексті сучасного суспільства. Сделан вывод о том, что страх является комплексным феноменом, классификация которого может производиться по различным критериям, но в философском смысле особенно важным является разделение метафизического и эмпирического типов страха.

Ключевые слова: бытие, общество, общественное сознание, страх.

* * *

УДК 101.1

Аббасов А.Ф.

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права Национальной Академии Наук Азербайджана (Азербайджан, Баку), matlabm@yandex.com

ФИЛОСОФИЯ СЛОЖНОСТИ КАК МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА: ОСОБЕННОСТИ ЭПИСТЕМОЛОГИИ И ПРАКТИКИ

Анализируются теоретические предпосылки и сущностные элементы философии сложности, сложившиеся внутри различных наук и в результате их смежной деятельности. Освещается её значимая роль в мышлении, теории и практике. Наряду с гносеологическими, онтологическими и методологическими аспектами, особое внимание обращается аксиологическому содержанию феноменов, возвышающихся на уровень общечеловеческих ценностей. На этой основе выдвигаются предложения и рекомендации с целью выхода из общемирового кризиса и успешного глобального реформатирования.

Ключевые слова: феномен сложности, метатеория, эпистемология, общечеловеческие ценности.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Сегодня трудно указать сферу науки или практики, где человек не имел бы дело со сложными системами. И чем дальше, тем больше возрастает необходимость “столкновения” с объектами, сложными не только в поэлементно–количественном смысле, но и по совокупности всех иных признаков (структурных, информационных, генетических, эволюционных, функциональных, управленческих, саморегуляционных и т.д.). “Сложная система” является центральным понятием не только системного подхода, но и всего комплекса научных дисциплин. Произошло закономерное смещение в исследовательских установках и акцентах: от “системы” вообще – к “сложной системе”, от традиционного “объекта познания” – к “феномену сложности”.

Как правило, сложные системы не поддаются познанию и освоению с помощью обычных традиционных приемов и средств. Потому приходится вырабатывать новые, неординарные подходы, процедуры и методы, разрабатывать качественно нетрадиционные теории. А это, разумеется, прежде всего, дело специальных дис-

циплин, каждая из которых на уровне своих целей и задач пытается познать собственные предметы исследования как конкретные сложные системы. Но сам по себе необходимый специфический подход к сложности со стороны отдельных конкретных дисциплин в условиях, когда отсутствует междисциплинарная **общая конструкция** исследовательских процедур и методов, не извлекает совокупное знание о том или ином объекте от излишнего партикуляризма, от чрезмерной разобщенности и несогласованности между различными слоями, уровнями и аспектами знания. Это, несомненно, негативно сказывается как на эффективности познания конкретных систем, так и на общем состоянии развития научного знания. Возрастание же тормозящих моментов и факторов в эволюции науки, естественно, отрицательно влияет на саму общественную практику, затрудняет решение актуальных проблем современности – как на локальном, так и региональном и глобальном уровнях.

Таким образом, складывается объективная необходимость в разработке “единого языка” (“общего слуха”) как основы для эффективного исследования феномена сложности. Понятно, что реализация данной потребности не только и не столько задача отдельных узкоспецифических дисциплин. В своей относительной полноте и завершенности задача выполнима на уровне фундаментальных общетеоретических суждений и построений. И роль философии, ее универсального теоретического арсенала в данном случае неоспорима. В этом смысле считаю вполне закономерным функционирование в современной науке понятия “**философия сложности**”. Опираясь на философский концептуальный аппарат, на общетеоретическое видение проблем, можно достичь заметного успеха в попытках переноса наличного знания о сложности из одних сфер науки и практики в другие, в создании общей исследовательской конструкции, необходимых эпистемологических предпосылок и основ. Благодаря общечеловеческому видению принципиальных сторон, особенностей в становлении, функционировании и эволюции сложностей, возможно формирование конструктивных условий для выявления правильных путей, подходов и процедур в изучении, управлении конкретных сложных систем. Эта особенность уже делает любую специфическую задачу какой-либо отдельной науки, занимающейся “своими” системами, неспецифической. Анализ проблем структурообразования и системности, самоорганизации и самодвижения, субстанциональной определенности и саморегуляции, принципиальных вопросов соотношения порядка и беспорядка (хаоса), стабильности и неравновесия, разнообразия и единства, функциональной чувствительности и структурной устойчивости и т.д. с философских позиций позволяет четче и обоснованнее формулировать теоретические построения специальных дисциплин касательно их собственных объектов–сложностей, находить изоморфные законы в разных областях, отыскивать аналогии [1].

Насколько значимо философское осмысление феномена сложности, особенно очевидно на примере исследования общемировых проблем современности – экологических, демографических, энергетических, финансово–экономических, глобализационных в целом и других. Как известно, разрешение этих проблем требует привлечения огромных ресурсов (финансовых, люд-

ских, временных, интеллектуальных). К тому же, сложности глобального порядка трудно поддаются реальному экспериментированию. Нет здесь возможности искать ответы методом проб и ошибок (да она и неприемлема!), а “навязать” объекту–сложности необходимое поведение весьма проблематично. Получается, что реальный выход – обратиться к наличному знанию о физических, химических, биологических и психологических системах (в аспекте их становления и эволюции – “диаграммы перспектив”). Разумеется, существенную роль здесь будет играть возможно–наличное знание о самих глобальных сложностях (в прошлой и настоящей их жизнедеятельности). Но дело в том, что “стыковка” этих слоев знания – не механический акт и отнюдь не простая задача. Синтез знаний на уровне их творческой конвергенции возможен только на основе общей эпистемологической базы. Опираясь на нее, можно найти ответы на вопросы, чем и как воздействовать на глобальную систему (экологическую ли, демографическую ли и т.д.), чтобы придать ей нужное поведение.

Разработка “**философии сложности**”, ее изучение и пропаганда – веление времени, которое усиливается с каждым днем в условиях неординарных, качественных изменений в науке, технике и технологиях, а также в природе обществ и мира в целом. Философия сложности представляет собой важнейший атрибут не только в прогрессе науки и научного мировоззрения, но также духовного развития, человеческой практики в целом. Ее идеи и принципы необходимы как полезные компоненты в индивидуальной, общественной и глобальной практике. В драматических условиях общественных и глобальных трансформаций она способна дать позитивные ориентиры, наметить пути и быть опорой для индивида, общества и мира в их стремлении избежать нарастания хаотизации (турбулентности) и достичь нового “спокойного состояния” и благополучия.

“Философия сложности” является необходимым и важнейшим компонентом того фундамента, который зиждется в основе не только демократической “формулы жизни”, но и современного научно–теоретического мышления, которое я, условно, называю **критическо–синергетическим**. Впрочем, можно утверждать, что именно критическо–синергетический тип мышления представляет собой основной “инструмент”, как в позитивной трансформации обществ, так и в достижении справедливого, взаимовыгодного сотрудничества в мире, в развитии его коммуникативных и толерантных качеств. Внутренняя диалогичность, продуктивная конвергенция, разрешение противоречий путем согласования, стремление к единству посредством разнообразия – неотъемлемые качества такого мышления.

Человечество запуталось в лабиринтах общемировой сложности, все опасности которой, с одной стороны, трудно понимает, а с другой – не очень–то желает признать мировая элита. Она не готова согласиться с тем, что демократия и прогресс человечества не совместимы с культурной гомогенизацией, лишенной морального содержания и социальной сущности. Она не желает признать, что экспансионистская глобализация, идентичная культурной гомогенизации и тотальному господству “совершенного”, есть конкретное порождение идеологии суперматериализма и в качестве таковой изначально лишена заботы о социальной и междуна-

ной справедливости, подлинной демократии, духовности, морали и этики. Эта элита не хочет считаться с тем, что массивное формирование ложной убежденности в правоте философии суперматериализма и рыночного фундаментализма чревато полной потерей человечеством способности оценить направление и масштабы грядущего надлома, всеобщего противостояния и глобального хаоса. Как пишет Клаус Майнцер: “В эпоху глобализации условия жизни человека становятся все более сложными и труднообозримыми. Мы ежедневно сталкиваемся с неустойчивыми равновесными состояниями в политике, экономике и обществе. Некоторые страны опасаются потери привычного уровня и уклада жизни и наступления хаоса. Другие видят возможности творческого обновления и завоевания новых рынков” [6, с. 125].

Мировая элита, оказывается, немощна перед новой сложностью, образовавшейся в эволюции человечества. Она запуталась в подборе ключей к этой сложности. В противном случае она не искала бы выход в идеологии, основанной на откровенном эгоизме и двойных стандартах, цинично, жестоко и нагло отменяя исторические традиции, а также великолепные наработки человечества на пути к нравственному идеалу. Стержнем же этой идеологии экономического порабощения и духовного растления является англосаксонский либерализм, явно исчерпавший себя и немощный в сложившейся ситуации. Он не готов и не способен уберечь человечество от хаоса, кризисов и катастроф. В нем изначально аккумуляровано множество элементов античеловеческого содержания. Да и не преследовал он какую–то гуманистическую цель со дня своего зарождения и становления, как несущая идейно–теоретическая база для формирующегося буржуазного уклада жизни. Экономическое развитие и технико–технологический прогресс не был сопряжен с идеалами справедливости, равноправия и процветания для всех. Мотивы прибыли, наживы, обогащения, эксплуатации доминировали над всем и вся. Они были и движущим средством производства, и его целью. За прошедшие столетия “триумфального шествия” капитализма эти доминирующие носители экономического, научно–технологического и технологического развития отнюдь не ослабли и не утратили свои позиции, наоборот, окрепли и во многом приобрели извращенные формы.

В системе элементов капитализма, собственно, и не было внутренних рычагов торможения – в том смысле, чтобы добровольно останавливаться перед Злом, знать меру и не переходить границы приличия, разумного и здравого. Одергивать и сдерживать приходилось со стороны. В сущности, раскрутка капитализма и его историческое развитие всегда сопровождалось налаживанием ограничений (запретов) извне. Много сил и усилий человечества были направлены на удовлетворение этой необходимости, дабы придать капитализму рациональности в сочетании с этичностью.

В этом плане отнюдь не имею в виду “вклад” К.Маркса, античеловеческий, демонический и ложный по многим своим теоретическим предпосылкам и основам. Маркс, в отличии, например, от великого социолога Макса Вебера, а также его исследователей, как Т.Моммзен и Э.Мейер, не исходил из идеи “множественности” капитализма, верной по существу и доказан-

ной исторической социологией. Он предпочел служение догматическим постулатам своей философии всемирно-исторического процесса, не смотря даже на то, что в XXIV-й главе “Капитала” сам же приводит множество примеров “совместимости” раннего (и не очень “раннего”) капитализма с рабовладением. Вопреки доказательствам эмпирически ориентированной, объективной социологии истории – тому *факту*, что капитализм явление не только Нового времени и его “виды” существовали не только в античности, но и в средние века, Маркс в угоду своей линеаризованной, псевдореалистичной теории всемирно-исторического процесса, понимаемого как последовательность смены “общественно-экономических формаций”, “так красиво расположившихся на незыблемой лестнице Прогресса” [4, с. 81], абсолютизировал “единственность” капитализма своего времени.

К.Маркс, считающий себя последовательным диалектиком, можно сказать, омертвил социально-политическую философию “своего учителя” – Гегеля, ибо не понял и не хотел понимать одну из главнейших составляющих его эпистемологической системы – учение о сложности и усложнении во времени. Капитализм, как феномен сложности, не рассматривался Марксом как таковой, а именно, во множественной дифференцированности уровней и аспектов единой сложности. Догматизм и аксиоматичность в отношении “собственного видения” взял вверх. Его видение сущности оказало на других столь масштабное и сильное влияние (тогда и после!), что даже Моммзен и Мейер отправлялись, в конечном счете, от постулата “единственности” капитализма. Они, также как и Маркс, пытались понять суть “целого” путем анализа одной “части”, пусть даже определяющей и ведущей, а именно – “современного” капитализма. Следуя этой искаженной логике, вынуждены были отождествить “древний” капитализм, историческая реальность которого была доказана, как говорится, собственноручно, с “современным” капитализмом – таким же образом, как и классики политической экономики и их главный критик К.Маркс. Разумеется, “эпистемологический плюрализм” М.Вебера, фундаментально развернутый мыслителем в работах “Аграрная история Древнего мира”, “История хозяйства” и “Город”, остался недостижимым и непонятым многим до сих пор. Согласимся, что уже этот факт во многом сыграл на руку глобальному капитализму – в том смысле, что обеспечил ему возможности для изворотливости и выживания. Диктат капитализма, явный и беспощадный и сегодня, был реализован благодаря диктату над истиной.

Но это лишь одно из последствий диктата над истиной. Дело в том, что тоталитаристская по существу и форме мысль Маркса увел человечество совсем не в ту сторону, несмотря на все его благие желания и мотивы. Не желавший видеть в капитализме сколь-нибудь оправданную историческую естественность и закономерность, этот поборник “Добра”, открыл изначально ложный, нечеловеческий, безмерно растратный и жестокий путь в будущее – дорого к ещё большему Злу, чем капитализм-империализм. Заодно, в конечном счете, основательно девальвировал, лишил привлекательности и живучести на многие годы и поколения такие понятия, как социализм, социальная справедливость, демократия,

равноправие и братство, права человека, социальная реконструкция и т.д. Мыслительная установка этого демонического классика оказалась столь заразной, хваткой и клещнистой, что даже сегодня по всему постсоветскому пространству большинство радетелей демократии и прав человека (политических пассионариев), за мизерным исключением, рассуждают и действуют, фактически, по-марксистски – сугубо ангажировано, резко предвзято, однобоко и агрессивно. Мыслительная и деловая толерантность, внутренняя готовность и способность к взаимопониманию, диалогичность, искреннее уважение оппонентов, признание их положительных человеческих и профессиональных качеств не вписывается в духовно-практический мир этих акторов политического процесса. Естественно, что в условиях доминирования такой мыслительной установки мало гарантий быть услышанным и понятым какому-то подлинному ученому-интеллектуалу. У этих самовлюбленных участников политического пространства, как правило, гипертрофированное “Я” стоит впереди всяких идей и идеалов, самых достоверных научных положений и рекомендаций.

В целом же, замечу, доминирование элементов тоталитарного мышления – атрибут нашей философии управления обществом и государством, если говорить о наличии таковой. Именно тоталитарность мышления во многом мешает реализации обществом своих потенциалов, его выходу на более перспективный структурно-функциональный уровень, осмыслению и освоению прогрессивного “магистрального пути”. В силу исключительной важности проблематики хотелось бы более подробно остановиться на особенностях тоталитаристского мышления, мировоззрения и практики тоталитаризма вообще.

Особенности **тоталитаризма** заключаются в следующем:

1. Его представители возмущены возможностью оптимизации общественной организации и государственного устройства, форм и методов социально-политического управления усматривают **не в реализации самости и потенциальности общества как единого целого, а в опоре-ставке на единичное, особенное, на часть целого**. Например, на сильную харизматическую личность и режим личной власти, как носителя принципов подлинной государственности; на “революционный класс” и его политическую организацию; на “избранный народ” и его тотальное господство над иными (“низкосортными”) народами; на одно этническое начало в ряду других этнических начал в единой исторической общности, называемой нацией; на один клан или регион по соображениям родственно-земляческих мотиваций и т.д. Возвеличивание, гиперболизация роли частного и особенного, дьявольское стремление ставить **часть** над целым, умертвление самости иных частей в угоду избранной части, вплоть до паралича самого целого – все эти характеристики тоталитаристской установки были не просто безобидной гносеологией и забавой заблудших “теоретиков”, но и жесточайшей, убийственной практикой человеческой истории, издевательством над людьми и народами. Несмотря на все старания величайших мыслителей-гуманистов, а также триумфы науки, техники и технологий, даже “современная эпоха” не стала **Веком Разума**. И что весьма печально и тревожно – это

то, что разлагающая сила столь античеловеческой практики пробивает себе дорогу в будущее.

2. Другой отличительной чертой является ярко выраженный диктат (и диктатура!) – изначальная установка на отчуждение и враждебность, что логически вытекает из первой особенности – из стремления возвысить роль единичного. Ставка на единичное, на часть целого, разумеется, предполагает игнорирование других частей, их места и роли в самореализации целого. А это никогда не может происходить без проблем, без явной или скрытой борьбы “иных” частей, ибо каждая из них – носитель определенных интересов. Когда эти интересы не учитываются, игнорируются и подавляются, а их носителям и выразителям не предоставляется возможность свободного участия в общем процессе организации и управления обществом, отменяются их права на самовыражение и самореализацию, то возникновение мотивов и действий протеста, вражды и хронического несогласия неизбежно. Отсюда возникает потребность в диктатуре – диктатуре одной части над другими. Подавить и заглушить интересы, притязания, права конкретных людей, социальных групп, классов, этнических сообществ, носителей определенных политических идеологий или религиозных пристрастий, которые отнюдь не собираются мириться с “вытеснением со сцены” и зачастую ожесточенно сопротивляются посягательствам, можно лишь насильем, диктатурой. А для обоснования диктатуры и тоталитарных методов управления пускается в ход принцип “цель оправдывает средства”, используются всевозможные средства манипулирования массами и их оболванивания, вся мощь государственно-репрессивного аппарата, органов слежки и надзора. Запускается маховик лжи и обмана, дезинформации, травли и клеветы. “Поиск ведьм”, навешивание ярлыков типа “враг народа”, “изменник родины” становится распространенным делом. Судебно-правовая система фактически играет роль политической юстиции, исполнителя политических заказов в угоду тоталитарного режима. Ради выживания “избранного” путем подкупов, сговоров и уступок в ущерб национальным интересам налаживаются международные связи поддержки, подкармливаются мировая олигархия.

3. Для теоретиков и практиков тоталитаризма **свободная и суверенная личность, самоценность индивидуального выражения**, к тому же имеющие законные (конституционные) гарантии, являются подлинным бедствием. Лишь регламентируемая, направляемая, политически целесообразная форма инициативы, самовыражения или самоуправления может быть допущена. Свободная самоорганизация индивидов и групп по мотивам самобытных интересов, неформальное объединение и создание негосударственных структур – все то, что относительно к общественному сектору, к развитию горизонтальных (координационных) связей и характеризует **гражданское общество**, фактически изначально ставится под запрет в условиях, когда государственная (часто унифицированная, сращенная с господствующей партией) политическая власть выступает единственным организующим и субординирующим устройством. Лишь она обладает правом наводить в порядок и представлять интересы. Политическая власть в качестве институциональной системы берет под свой абсолютный и непререкаемый идеологический, политический и эко-

номический контроль как все общество в целом, так и важнейшие сферы его жизнедеятельности. В сущности, не остается места человеку–гражданину, здесь все – подданные.

И не случайно, что человек, например, в марксизме (я уж не говорю о национал-социализме Гитлера и прочих более пещерных разновидностях тоталитарной идеологии!) характеризуется в основном как продукт общественных отношений, его самобытность, монадность, автономность, по существу, остаются либо в тени, либо вообще отменяются. В рамках своей направленности мысли Маркс и его последователи не могли принять в расчет составляющее основу человеческого бытия начало – стремление к индивидуальной свободе. Разумеется, в таком случае не остается места для возможностей политического и экономического выбора индивида. Собственно, уже в этом кроется одна из причин однопартийности советской системы в политической сфере и ее приверженность к единообразию форм собственности в экономике. Отметание плюралистичности, альтернативности, права иных составляющих единой социальной сложности (как в теории, так и на практике) имманентно было присуще марксистско-ленинскому мировоззрению.

Когда же господствуют единообразие, безальтернативность, отсутствие выбора, в конечном счете, имеют место скатывание к диктатуре и тоталитаризму, расцвет и разгул примитивно-первобытной массовой психологии. В таких условиях, разумеется, еще больше подавляются творческие начала как в обществе, так и в отдельных индивидах. Когда же душатся творческие начала, не может быть и речи о позитивной социальной самоорганизации общества как сложности, а это неминуемо ведет к потере перспективы развития и регрессу, разрушает даже основы и возможности новаций. Начинают давать о себе знать разлагающие, тормозящие, деструктурирующие мотивы и элементы – идет процесс вырождения системы.

4. Как видим, для тоталитаристского направления даже в лице лучшего своего олицетворения, каковыми являются марксистская теория и коммунистическая практика, характерна самая настоящая **агрессия** – агрессия против общества и человека. И не только против общества и человека, но и против самой человеческой истории. Взятие под сомнение разумность самой истории человечества как сложности, попросту говоря, неуважение к естеству и самобытности эволюции было характерно для марксизма: вся цивилизованная история человечества, начиная с периода разложения первобытнообщинного, родоплеменного общества и возникновения частной собственности, по существу, является аномалией, ошибкой, которую–де следует исправить. Вспомните знаменитый “одиннадцатый тезис” К.Маркса: “Философы лишь различным образом **объясняли** мир, но дело заключается в том, чтобы **изменить** его” [7, с. 3].

Заодно, вспомним и о той великой революции две тысячи лет назад, инициатор и выразитель которой, Христос, сказал: “Я пришел не отменять **ЗАКОН**, а исполнять его”. Говоря же об исполнении закона, он имел в виду осуществление **Любви**. Высшее повеление, согласно Христу: “Возлюби ближнего твоего, как самого себя”, “Любите врагов ваших, благословляйте прокли-

нающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас”, “Любовь не делает ближнему зла; итак, любовь есть исполнение закона”.

Как видим, настоящими мессианскими функциями наделяет себя не Христос, а Маркс, одержимый страстью поставить “ненавидный, неправильный, недостойный мир” с головы на ноги. И в этом деле мессианского замысла и масштаба объединенное усилие и монолитная воля угнетенных масс, пролетариата – прежде всего, должны сыграть исторически исключительную роль. В построении “нового мира” “голодные и рабы” непременно должны поставить на колени “обнаглевшую в своем заблуждении” историю.

Великолепнейший радикал–марксист В. Ленин в своем стиле и на свой манер развил и углубил это главное “творческое начало” своего учителя – возвысил его на уровень реально–практического воплощения, добавив заодно “верное учение” собственными элементами новизны. Он считает неизбежной и реальной “эмансипацию” пролетариата, который должен насильственно ниспровергнуть капиталистов и установить революционную диктатуру. Согласно Ленину, верный марксист – только тот, кто распространяет признание классовый борьбы до признания диктатуры пролетариата, считает государство сугубо инструментом подавления и эксплуатации в руках господствовавшего класса – охранником частной собственности. В пылу борьбы за “светлое будущее” говоря о средствах, формах и целях классовый борьбы, Ленин нигде не упоминает о каких–либо законах. Закон, право, а тем более **правовое государство**, моральное обоснование политики, всяческие “общественные договоры”, компромиссы во имя общего блага, какие–то солидаристские мотивы и прочее тому подобное, все то, о чем думали и писали многие выдающиеся умы, его абсолютно не забавляет и не печалит. У него нет призыва к закону, но есть такое, а именно: “подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся – пролетариату” [5, с. 357]. В статье “Задачи союза молодежи” вождь пролетариата в очередной раз заявляет: “Наша мораль везде и во всем подчинена интересам классовый борьбы пролетариата”.

Естественно, что человек такого склада мышления плехановское “не надо было братья за оружие” или церетелевское “класс должен самоограничиваться” по поводу парижской Коммуны мог считать лишь “педантичными нравоучениями”. Естественно и то, что революционер–марксист Ленин в известной своей работе “Государство и революция” совершенно серьезно и настойчиво считал нужным писать: “Специфическое “начальствование” государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми функциями “надсмотрщиков и бухгалтеров”, функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за “заработную плату рабочего” [5, с. 357]. Следуя не этой ленинской логике, но в своей постановке, поступали многие годы спустя наши фронтисты–мусаватисты, придя к власти в 1992 году? Согласно не этой же логике они “замораживали” свои должности, терпя позорное поражение уже через год – в июне 1993–го года? Причем, эти “гордые” и “достойные” носители большевистской мысли, хотя и не идущие ни в какое сравнение с преданными соей идее и своему делу большевиками (ни

по чести и уму, ни по отваге и самопожертвованию!), объявляли сей ультиматум не кому ни будь, а опытному политику–профессионалу, которого сами же молили о помощи.

Обратите внимание: в марксистско–ленинской теории субстратом будущего “оптимального общества” выступает даже не народ в целом, а его часть – носитель протеста, ненависти, злобы, которому “нечего терять кроме своих цепей”. Пусть это будет сама **ненависть против мерзких и бессовестных угнетателей**, но от этого она не перестает быть **ненавистью** как таковой. Прекрасный русский поэт Тютчев писал: “У ненависти душа слепа, плохая советчица она!” Если в основы строительства “нового общества” закладываются не разум, сотрудничество и гуманизм, а ненависть как абсолютно–универсальное орудие преобразований, то такое общество не может быть образцом положительного примера. Созидание невозможно реализовать, опираясь на феномены типа ненависть, зависть, месть, уничтожение другого, то есть на феномены разрушительности, выражающие иррациональные страсти и инстинкты. Источник созидательного – это, прежде всего, рационально–нравственное, социально секуляризованное нечто. Деструктивность в предпосылках оборачивается еще большей деструктивностью в результатах. Каковыми бы благостными ни были исходные мотивы, опора на феномены разрушительности и уничтожения есть отступление от нравственности и разума, есть “созидание нового” методами и средствами дочеловеческой истории, пещерного образа действия. К чему может привести и приводит дрейф в сторону иррациональных разрушительных страстей, – человеческая история демонстрировала не однажды.

5. Дело не в том, что идеологи–теоретики типа К.Маркса, В.Ленина, Л.Троцкого выступали однозначными революционерами. Революция революции рознь! И я не случайно назвал Христа также выразителем и даже инициатором революции – в том смысле, прежде всего, что он заложил основу духовного, мировоззренческого переворота, а точнее, возрождения духа и реконструкции социального. Суть в том, что революция марксистского типа – это **вулканическая** деятельность вопреки естественному ходу истории, она – **дьявольщина** в подлинном смысле слова (“Мы весь мир разрушим, а потом...”). Маркс и марксисты не хотели и не хотят быть простыми созерцателями и помощниками истории, быть ее повивальной бабкой, акушеркой при родах. Им противен сам естественный плод, рождаемый историей, и скорее всего они готовы убить его. Они сами хотят быть отцом и матерью плода, а родивши таковой, навязать его истории в качестве подлинного начала человечества. Собственно, почти весь XX век прошел в муках рождения этого марксистского плода–монстра и его навязывания истории. Таким образом, теория и практика марксизма–ленинизма являли собой форму беспрецедентного неуважения, унижения человека и человеческой истории, посягательства на нее. В них почти нет элементов **со–действия** истории, но много элементов **противо–действия**. Учения тоталитаристского направления, в том числе марксистские, никогда не были и не могли быть исторически легитимными. Осмысление тоталитаристского направления поиска оптимума, его сущности–содержания, пользуясь воз-

можностями философии сложности, проливает свет на многие вопросы. Например, становится более понятным, почему западноевропейская по своему происхождению марксистская теория в качестве плодородной почвы для практического воплощения выбрала Россию.

Видимо, отчасти дело в том, что и марксизму и русской государственности были присущи схожие сущностные элементы – агрессивность, экспансионизм, насилие, интервенционализм. Причем, эти элементы, свойственные российской государственности и власти, отмечались самими представителями русской культуры и науки. Так, известный историк, общественный деятель Юрий Афанасьев писал: “За ней (Россией – А.А.) – постоянная агрессивность и экспансионизм, который берет начало со времен возвышения Москвы. Россия всегда жила завоеваниями, присоединяя к себе новые земли... В истории России не было даже относительно продолжительного периода без войн... Завоевывали или обороняли. И никогда не думали о том, как лучше обустроить эти территории, а только как их больше захватить” [2, с. 14].

Конечно, из практики реализации марксизма можно привести факты, опровергающие воззрения о полной абсурдности, негодности марксистского учения и аномальности советского опыта. Разумеется, столь же успешно и нетрудно обнаружить и привести факты, разрушающие тезис о непоколебимой истинности марксизма. Впрочем, все доказательства, строящиеся на фактах, относительны, ибо сам метод всегда действует избирательно, селективно, а детерминанты избирательности могут быть самыми разными.

6. Хотя отношение к частной собственности было различным для представителей тоталитаристского направления, тоталитаризм и в экономической жизни характеризует все его разновидности. Например, для идеологов национал-социализма были приемлемы частнособственнические отношения, предпринимательство и конкуренция, всякий капитал, любая (хоть трижды частная) собственность, если они “работают” на нацию. Но эта “работа” целиком и полностью детерминировалась, регламентировалась и тотально подчинялась государству (нацистской партии), в котором торжествовал принцип чиновничества-бюрократии, функционирующей на казарменной дисциплине и строгой иерархической субординации. Для марксистов же уничтожение частной собственности было, как говорится, первичным долгом строителей “нового общества”, альфой и омегой деятельности коммунистов. Например, Ф.Энгельс в работе “Принципы коммунизма” пишет: “Уничтожение частной собственности является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием уничтожение частной собственности” [12, с. 85]. В “Манифесте Коммунистической партии” же К.Маркс и Ф.Энгельс открыто заявляют: “У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность” [8, с. 117].

Ставя под сомнение человеческую историю, “правильность” ее эволюции, мыслители и практики мар-

ксистского толка, разумеется, не могли согласиться с естественностью сложившихся в обществе атрибутов и состояний. Они не желали смириться с делением общества на сословия, классы. Материально-духовная дифференциация для них неприемлема; структурированность, неоднородность социальной общности чужда им – в той же степени, в какой они недооценивают самоценность, особенность составляющих единиц (частей) целого. Естественно, что они не могли смириться с феноменом частной собственности как одним из главных основ-носителей данной структурированности и естественно-необходимого самовыражения в качестве множественно дифференцированной сложности. Частная собственность, с их точки зрения, не источник разумного развития и фундамент человеческих прав и свобод, а подлежащий уничтожению порок, избавившись от которого можно будет жить в условиях бесклассового общества, свободного от антагонизмов и конкуренции. Только так историю можно научить жить по “правилам разумной жизни”. В “Обращении ЦК к Союзу коммунистов” (март 1850 г.) К.Маркс и Ф.Энгельс писали: “Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества” [9, с. 185]. Как видим, в марксизме путь к “согласию и благоденствию” пролегает не через содействие, взаимовыгодное сотрудничество и понимание, а через предпосылочную агрессию, насилие, разрушение и отвергание, через тотальное размежевание, отчуждение и противостояние в контексте классовой борьбы во имя уничтожения этих же классов.

7. Политическая власть, преподносимая в марксизме изначально как “надстройка”, с помощью (силой) диктатуры пролетариата преобразовывает и завоевывает экономическую власть, которая чем дальше, тем больше становится отнюдь не пролетарской и не принадлежит пролетариям-трудящимся. Пролетариат и другие угнетаемые социальные группы фактически используются как средство, как расходный материал. Затем эта политическая власть выступает в двуедином лице как политико-экономическая власть, как тотальная власть государства, которое изначально, вроде бы, тоже считалось “надстройкой”. Эта монополярная государственно-партийная власть, в сущности, выступает единственным выразителем, регламентатором и регулятором общества как целого. Она играет роль такого неестественного ограничителя, от которого не может уйти и спастись ни сама по себе, ни кто-либо другой, т.е. по своей природе и назначению душит и уничтожает **свободу**. (Я имею в виду, прежде всего, ту свободу, о которой сам Маркс говорит как об “осознанной необходимости”). А для того, чтобы это тотальное государство могло сохранить себя на своем губительном пути, оно должно развивать **несвободу** и уничтожать все то, что ему угрожает: истину, свободную науку ученого и свободное слово писателя, зов вести и рвение к справедливости, открытую дискуссию, свободную прессу, независимость суда и законодательной системы.

Соответственно направляемая, организуемая пропаганда и агитация же обеспечивают необходимое жизненное условие крайне идеологизированного государства-монстра и тоталитарного режима. Жизнь на нача-

лах истины и справедливости, свободы разума и совести, по существу, постепенно исчезает. Сам идеологический прессинг все больше и больше работает отнюдь не ради идей, пусть даже классиков, а служит неумным аппетитам, страстям, интересам государственной бюрократии и тех, кто стоит у власти. Обуржуазившаяся номенклатурно-бюрократическая каста все больше и больше отдаляется не только от народа, но и от решения своих прямых обязанностей. Обилие директив, постановлений, распоряжений, которые принимают вид некоей легальности, а, по существу, зиждутся на неконтролируемом произволе партийно-государственной бюрократии, заменяет действие **Закона**.

Создатели “научного социализма” не предусмотрели конституирования в постбуржуазном обществе **правового государства**. “Забыли” и отбросили напрочь сам принцип разделения властей, механизм сдержек и противовесов, ничего не сказали о необходимости сохранения идейно-политического плюрализма, даже не обозначили горизонты и контуры какого-либо дееспособного права, обещав в будущем преодоление “узкого горизонта буржуазного права”. Когда-то Карл Ясперс совершенно верно заметил: **“Попытка непосредственно осуществить справедливость силой создает такие условия, при которых невозможно сохранить даже самую элементарную справедливость”** [13, с. 286].

8. Для тоталитаристских теорий и их практических воплощений характерна принципиальная “вычисляемость” во времени не только отдельного общества, но и всей человеческой истории, ее будущего. Уверенность в обладании тотальным знанием о ходе человеческой истории, якобы научно доказанным, особенно была характерна и для марксизма. Сегодня любой грамотный человек, знакомый с теорией сложных систем, веру в однозначную предопределенность будущего, упрямство в обладании “идеалом” однозначно посчитали бы проявлением безмерной глупости. Но, к сожалению, эта глупость жила долго (и еще продолжает жить!), свращая общества, народы, человека, порождая в них безликость, омертвление, погромные и погибельные страсти. Мы это видели и на опыте “строительства коммунизма” в СССР и продолжаем видеть на опыте неототалитаризма, развернувшегося на постсоветском пространстве. В чем же дело? Что за опасность заключается в философии “несомневающегося верования”, в претензии однозначно прогнозировать будущее и добиваться этого будущего. Причем, не имеет значения, какого будущего добиваемся, какой идеал желаем и жаждем осуществить – коммунистический ли, демократический ли, или что-то другое.

Соблазн окончательно, раз и навсегда вычислить, проинтегрировать сложность (а тем более – социальную сложность), вместить ее будущую эволюцию в строгие каноны якобы научной теории, в рамки безответственного пророчества, упрямо и настырно добиваясь подчинения социального бытия требованиям догмы, – есть не просто ошибка, которая допускается некоторыми теоретиками и практиками и сегодня. Это есть самое настоящее преступление, причем, весьма катастрофичное по своим последствиям. Такое варварское наступление на социальное бытие как сложность в ее самобытной пространственно-временной определенности означает: объявить этой сложности капитуляцию; пытаться сде-

лать ее несвободной, безвольной, податливой; поставить сложность под тотальный контроль как покорный объект обладания; забавляться чувством своего превосходства и власть в иллюзию всемогущества над природой, человеком, обществом, миром.

Наконец, это есть извращенная форма связи с миром, а точнее – **садизм** во многих своих проявлениях, который всегда нуждается в полуживом, покладистом, беззащитном, трепещущем объекте обладания. Разумеется, социальное бытие, как нечто осуществленное и существующее одновременно, в отличие от окончательно униженного, сломленного, переподчиненного индивида, начинает проявлять мощь своего сопротивления в ответ на посягательства агрессора-маньяка. И в этом ожесточенном противостоянии дьявольской идеологии социальному бытию, этого глумления “пламенной страсти” к власти над историей, ее эволюцией крушатся судьбы миллионов, переступаются все границы человеческого существования. Народы и общества ввергаются в стихию самоистребления; обвал социальных норм подминает под себя личность, делая из нее либо изгоя, либо ничтожества, готового на все в руках свирепствующих политиков-садистов, управленцев-начальников; люди перестают быть “самим собой”, теряется чувство самодостаточности и самооценности становится явлением универсальным. В жесткой социальной пирамиде и строгой иерархической подчиненности даже самые высшие чиновники-бюрократы, забывшие свое человеческое предназначение и потерявшие достоинство, трепещут перед вышестоящими чиновниками, “восхищаются” ими и боятся их. С той же страстью эти покорные начальству чиновники глумятся над нижестоящими, подчиненными, получают удовольствие от их унижения и страдания, от власти над иными живыми существами, рассматривая их как **свою вещь**, свое имущество, а себя господином, повелителем. Таким образом, социальная садо-мазохистская цепь тянется сверху донизу. Каждый, вовлеченный в эту связку, одновременно выступает и носителем покорности, и носителем господства (самодурства), каждый непременно должен быть вассалом и сеньором в одном лице, быть и садистом, и мазохистом.

Разумеется, здесь помимо социальных детерминант огромную роль играет природная предрасположенность человека, его психическая особенность. В связку хорошо вписываются те, которые по природе обладают садомазохистским характером. Таких людей выдающийся мыслитель Эрих Фромм относит к категории, соответствующей типу “бюрократической личности”. Он, например, пишет: “Садомазохистский характер в первом приближении соответствует и *бюрократической личности* (не столько в политическом, сколько в социальном смысле). В бюрократической системе каждый человек осуществляет контроль над своим подчиненным, а он, в свою очередь, контролируется своим начальником. Как садистские, так и мазохистские импульсы в такой системе оправдывают свои расходы. Бюрократическая

* Здесь, когда Э. Фромм говорит о бюрократе, имеет “в виду классический старомодный тип холодного равнодушного чиновника, которых всегда было в избытке в школах, больницах, тюрьмах, на транспорте, и на почте”.

личность презирает нижестоящих лиц и в то же время восхищается и боится вышестоящих” [11, с. 256–257].

Вообще–то, знакомство с философской антропологией, побуждает более ответственно и с предельным вниманием отнестись к истории человечества, оценить роль исторических лиц, выявить характерные особенности политических режимов. Я полностью солидарен с мнением П.С. Гуревича: “Жизнь человеческого рода, если не соотносить ее с предостережениями философской антропологии, может быть чревата глубинными разрушительными последствиями. Они пагубны не только для социума, но и способны деформировать самого человека, его природу” [3, с. 14].

9. Тоталитаристский путь “создания рая на земле”, если уж не изначально, то впоследствии все больше и больше ведет к безличности, бездарности кадрового корпуса, к исчезновению интеллекта, честности и совести, искренности и солидарности в управленческой среде. Проявляются такие злокачественные тенденции, о которых даже не догадывались сами основоположники идеи “нового рая”. Эти тенденции, выходя за рамки “первичных принципов” и всякого здравого смысла, ведут к драматическому изменению всего человеческого существования, к коррозии личности и его духовного мира, к зыбкости и ненадежности моральных ценностей и правовых норм. Особенно характерная для тоталитаризма тенденция ставить всему и вся, где надо и не надо, пределы, железные решетки и двери, бесцеремонно проводить разного рода частные решения посредством применения политической силы, добиваться однообразия через подгонку под общий знаменатель, что легче всего сделать, опираясь на низкий уровень нравственной и духовной жизни общества. А все это ведет, в конечном счете, к выхолащиванию, вырождению общественной системы и ее институтов, к серости, неграмотности и бессовестности бюрократического аппарата, к изуверству и коварности кадров.

Тоталитаризм влияет на отбор правящей элиты таким образом, что у власти все больше и больше оказываются люди, лишённые каких–либо выдающихся дарований, чьи обыкательские, охлократические представления легко могут быть изменены в должном направлении, которых легче всего состыковать в ненависти и зависти, в повиновении начальству и беспощадности к “чужакам”. Для иллюстрации сказанного достаточно вспомнить эпоху гниющего советского тоталитаризма при Л.И. Брежнев и нынешний постсоветский период неототалитаризма в обертке демократии в большинстве бывших республиках СССР.

Завершая анализ тоталитаристского направления, отмечу, что этот путь служил порождению систем диктаторско–деспотического типа. Эти системы постольку работали на человечество, поскольку были античеловеческими. Нет пока надежных гарантий от возврата к самым неожиданным формам и проявлениям авторитаризма–тоталитаризма, да и нынешние политические режимы во многих странах не так уж далеки от этих форм. И здесь самое важное в смысле профилактики и гарантий – освободиться от зачастую неосознаваемых элементов и тенденций тоталитаризма в мышлении. Дальнейшее существование и прогресс человечества в одном: сказать тоталитаризму “НЕТ!”, будь он коммунистической или либерально–демократической (капи-

талистической) начинки. Сделать так, чтобы это злокачественное порождение большого сознания и античеловеческой практики кануло в лето.

Список использованных источников

1. Аббасов А.Ф. Философия сложности. – Баку: “MBN”, 2008.
2. Афанасьев Юрий. Пора перестать верить историческим мифам // “Аргументы и факты”. – 1997. – №46 (ноябрь).
3. Гуревич П.С. Разрушительное в человеке как тайна. – Вступительная статья к книге: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994.
4. Давыдов Юрий. Веберовская социология истории // Макс Вебер. Аграрная история древнего мира. – М.: Канон–Пресс–Ц, 2001.
5. Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Избранные произведения в 4–х томах. – М.: Политиздат, 1986. – Т.2.
6. Майнцер К. Сложность бросает нам вызов в XXI веке: динамика и самоорганизация в век глобализации // Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления. – М.: Проспект, 2004. – Т.3.
7. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произв. в 3–х томах. – М.: Политиздат, 1980. – Т.1.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Избранные произв. в 3–х томах. – М.: Политиздат, 1980. – Т.1.
9. Маркс К. и Энгельс Ф. Обращение ЦК к Союзу коммунистов // Избранные произведения в 3–х томах. – М., 1980. – Т.1.
10. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. – М.: Наука, 1986.
11. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994.
12. Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения в 3–х томах. – М.: Политиздат, 1980. – Т.1.
13. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994.

References

1. Abbasov A.F. Filosofija slozhnosti. – Baku: “MVN”, 2008.
2. Afnas'ev Jurij. Pora perestat' verit' istoricheskim mifam // “Argumenty i fakty”. – 1997. – №46 (nojabr’).
3. Gurevich P.S. Razrushitel'noe v cheloveke kak tajna. – Vstupitel'naja stat'ja k knige: Fromm Je. Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti. – M.: Respublika, 1994.
4. Davydov Jurij. Veberovskaja sociologija istorii // Maks Veber. Agrarnaja istorija drevnego mira. – M.: Kanon–Press–C, 2001.
5. Lenin V.I. Gosudarstvo i revoljucija // Lenin V.I. Izbrannye proizvedenija v 4–h tomah. – M.: Politizdat, 1986. – T.2.
6. Majncer K. Slozhnost' brosaet nam vyzov v XXI veke: dinamika i samoorganizacija v vek globalizacii // Strategii dinamicheskogo razvitiija Rossii: edinstvo samoorganizacii i upravlenija. – M.: Prospekt, 2004. – T.3.
7. Marks K. Tezisy o Fejerbahe // K.Marks i F.Jengel's. Izbrannye proizv. v 3–h tomah. – M.: Politizdat, 1980. – T.1.
8. Marks K. i Jengel's F. Manifest Kommunisticheskoj partii // Izbrannye proizv. v 3–h tomah. – M.: Politizdat, 1980. – T.1.
9. Marks K. i Jengel's F. Obrashhenie CK k Sojuzu kommunistov // Izbrannye proizvedenija v 3–h tomah. – M., 1980. – T.1.
10. Prigozhin I., Stengers I. Porjadok iz haosa: novyj dialog cheloveka s prirodj. – M.: Nauka, 1986.
11. Fromm Je. Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti. – M.: Respublika, 1994.
12. Jengel's F. Principy kommunizma // Marks K. i Jengel's F. Izbrannye proizvedenija v 3–h tomah. – M.: Politizdat, 1980. – T.1.
13. Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii. – M.: Respublika, 1994.

Abbasov A.F., Science doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher in the Institute of Philosophy and Law National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan, Baku), matlabm@yandex.com

Philosophy complexity as a metatheoretical framework: Epistemology and practice characteristics

The article analyzes the theoretical framework and the essential elements of the philosophy of complexity, developed within the various sciences and of its related activities. Highlights its significant role in the thinking, theory and practice. Along with the epistemological, ontological and methodological aspects, particular attention

is drawn to the axiological content phenomena, rising to the level of human values. On this basis, puts forward proposals and recommendations to overcome the global crisis and the successful global reformatting.

Keywords: the phenomenon of complexity, metatheory, epistemology, human values.

Аббасов А.Ф., доктор філософських наук, професор, головний науковий співробітник, Інститут філософії та права Національної Академії Наук Азербайджану (Азербайджан, Баку), matlabm@yandex.com

Філософія складності як метатеоретична основа: особливості епістемології та практики

Аналізуються теоретичні передумови і сутнісні елементи філософії складності, сформовані усередині різних наук і в результаті їх суміжній діяльності. Висвітлюється її значима роль в мисленні, теорії та практиці. Поряд зgnoseологічними, онтологічними і методологічними аспектами, особлива увага звертається аксіологічному змісту феноменів, що піднімаються на рівень загальнолюдських цінностей. На цій основі висувуються пропозиції та рекомендації з метою виходу з загальносвітової кризи та успішного глобального переформування.

Ключові слова: феномен складності, метатеорія, епістемологія, загальнолюдські цінності.

* * *

УДК 141.319.8:111.6

Калуга В.Ф.

кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри історії і політології, Національний університет біоресурсів і природокористування України (Україна, Київ), kalogav@ukr.net

Поведінка, дія та вчинки як маркери способів людського буття, їх властивості та особливості

Чи не найповніше про природу людини і суть її буття говорить активність. В залежності від того, які саме способи активності домінують в людини, можна говорити про рівень її, умовно кажучи, духовного або ж еволюційного розвитку. Відповідно дослідження різновидів людської активності на предмет їх властивості спонукати чи стримувати людину в її розвитку є безумовно актуальним. При цьому слід врахувати, що і класична традиція філософування, оперта на їудо-християнські канони та формальну логіку, і наука, зведена на стереотипах аксіоматичного зразка не мають в собі достатніх джерел, аби відбувся сутнісний прорив у сфері дослідження людської активності зокрема, та будь-яких досліджень у царині антропології в цілому. Відповідно визріла потреба в залученні і осмисленні глибинного досвіду людства, закарбованого в міфології та езотеричного досвіду. Спираючись на останні, поєднуючи їх з науковими теоріями та філософськими концепціями, можна дійти висновку, що поведінка людини є ознакою її тотального занурення в буденність, зумовленість присутністю інших та обставинами свого буття, концентрації на турботі, відсутності зосередженості та тотальної усвідомленості. Поведінка людини супроводжується рефлексією, а ще точніше внутрішнім діалогом. Тоді як дія та вчинки, так чи інакше за своє джерело мають спонтанність – властивість людини бути джерелом власної активності. Абсолютна ж відстороненість від будь-яких зумовлюючих начал досягається людиною в стані споглядання. Зрештою, ця стаття присвячена осмисленню вище зазначених проблем.

Ключові слова: поведінка, дія, вчинки, рефлексія, споглядання.

Дослідженню людської активності приділяється чимало уваги як в просторі філософії, починаючи ще з часів Хрїзпіпа, Сократа та Аристотеля, особливо філософської антропології, зокрема Шелер, Плеснер, Гелен, так і в соціально-гуманітарних науках, особливо психології, де, зокрема, сформувався окремий напрямок – біхевіоризм, в основу якого, між іншим, закладені вчення Локка про людину як Tabularasata критики Гоббса ідей щодо наявності мислячої субстанції. Та все ж, такі дослідження виявляються на практиці малоефективними, якщо мова йде про звільнення людини від злигоднів сьогодення, обтяжуючих її буття обставин, пошуку шляхів до духовного росту і набуття внутрішнього затишки. Хоча в питанні щодо маніпулювання людиною, тобто її активністю, результати спеціальних досліджень виявляються досить дієвими, проте в переважній своїй більшості явно згубними щодо перспектив, так би мо-

вити, духовного становлення і розвитку. Відтак назріла потреба в пошукові альтернативних підходів до осмислення суті людської активності, її природи і пускових механізмів. Логічно, що її варто шукати в лоні езотеричного досвіду, який надто часто необґрунтовано нехтувався в наукових і філософських колах, в т.ч. під тиском їудо-християнської догматики. Тож мета даного дослідження зосереджена навколо осмислення природи людської поведінки, дій та вчинків з огляду на їх властивість виказувати особливості способів буття людини, котрі їй притаманні: від стану бездоганності або екзистенційної зосередженості до стану абсолютної зануреності в буденність, тобто концентрації на поточних клопотах або перебування в стані перманентної турботи, коли індивіду не властиво помічати альтернативних способів існування, умовно кажучи, більш людських.

Між тим, в дійсності складається на те, що заклопотана істота непомітно для самої себе уникає або втрачає можливість осмислення дійсно важливих в її житті речей. Поринаючи з головою в суєту, індивід постійно намагається втекти від самого себе, тобто від осмислення того, чим насправді він може бути або виявитися на відміну від того, що він думає про себе та/або за кого себе тримає чи й виставляє. І для того, звісно, має бути причина. До того ж ця причина, може виявитися навіть не стільки складною або й недосяжною для усвідомлення, скільки банальною в очах зарозумілої та ментально неперекірливої цивілізованої істоти, а отже і нібито не вартою уваги, аби, враховуючи її, людина зробила дієві висновки. А відтак, припущення про те, що “найтяжче витримати людині спокій, що не порушиться ані пристрастями, ані справами, ані розвагами, ні зайняттями. Тоді вона відчуває власну нікчемність, покинутість, недосконалість, залежність, безсилля, пустоту. Із глибин її душі відразу виповзають безпросвітна печаль, сум, гіркота, злоба, відчай” (Блез Паскаль), хоча й виявляється саме по собі зрозумілим для неї, однак залишається абсолютно недієвим. І тут немає нічого дивного, адже буденній людині властиво будь-що уникати життєвої істини, якщо вона безпосередньо стосується абикого. Принаймні, практично кожен ладен щонайменше легко згодитися з ідеєю, що людина душа така дійсно замішана на огидному, проте жодним чином не має бажання визнавати істотність цього твердження стосовно себе.

Однак нехтуючи можливістю і водночас потребою збагнути, що криється насправді в глибинах її душі, людина штовхає сама себе на злочин проти самої ж себе, оскільки втрачає нагоду віднайти реальні мотиви власної активності. Як наслідок, свідомо, точніше осмислено людина має справу здебільшого, якщо не сказати винятково з вигаданими (раціональними) мотивами власної діяльності та надуманими умовами і обставинами формування притаманних їй міркувань, гадок чи переконань. Хоча в ідеалі все мало б бути по-іншому: “коли людина вирішує що-небудь робити, вона має йти до кінця, але повинна перебирати на себе відповідальність за те, що вона робить. Не залежно від того, що вона робить, вона повинна найперше знати, чому вона це робить, і тому вона повинна виконувати свої дії, не маючи вже жодних сумнівів або ж жалю щодо них” [4, с.21]. До речі, щоб зрозуміти і визнати подібне твердження не потрібно бути вже аж таким мудрим. А от